

'О, Боже! Что я только что сказала?!'

Эдель отчаянно хотела прикрыть рот. Женщина, которая может выдержать вес в одну тонну...? Какое дешевое и глупо звучащее заявление! Определенно, это не то, что должна говорить уважаемая дочь, унаследовавшая наследие аристократической семьи.

Она забыла о темноте ночи и в панике начала искать место, где можно было бы со стыдом спрятать свое лицо.

"Ах!"

Короткий вздох сорвался с ее губ. Сильная рука обхватила ее за талию и притянула к себе, как жаба притягивает муху. Ее лицо, искавшее, куда бы спрятаться, уткнулось в его сильную, толстую грудь. Гладкая и крепкая кожа его обнаженной груди коснулась ее лица, отчего по позвоночнику пробежала дрожь.

"Фуу-хууф!"

Эдель непроизвольно глубоко вдохнула. Подавляющий мужской аромат доминировал над ее чувствами. Ее дыхание стало поверхностным, поскольку сознание грозило покинуть ее.

Ее стройные и гладкие плечи торопливо поднимались и опускались в такт учащенному дыханию. И как будто в ответ на ее тяжелое дыхание, полная грудь Эдель плотно прижалась к его стальной груди.

Даже Му Санг пошатнулся после того, как подвергся этому "штурму с принуждением груди".

Закон Бойля" был применим и к инстинктам молодых мужчин и женщин с бурно развивающимися гормональными секретами. Неважно, были ли они чрезмерно эмоциональной женщиной или чрезмерно аскетичным мужчиной, эти двое все еще находились в расцвете молодости.

Его желание достигло критической точки после столь долгого сдерживания.

Вуш -

Харматтан пересек озеро, чтобы раскачать временное убежище, построенное в спешке.

"Холодно!"

Эдель тихо вздрогнула. Сказать, что ей было холодно посреди пустыни Сахара, где температура регулярно держалась в районе 48 градусов по Цельсию, - что за чушь! Но опять же, эта эмоция, называемая любовью, была взаимодействием иррационального и неразумного.

У молодого человека и женщины была жара, так какая разница, кто использует телефонный столб для ковыряния в зубах или ушах?

У Эдель закружилась голова, ее мысли метались туда-сюда от сильного запаха мужчины. Неужели такой неопишимо приятный запах всегда исходил от мужчины? И как такая стальная грудь может быть такой податливой и мягкой?! Все ее клетки оживали от свежей и первобытной жизненной силы, сочащейся из мужчины.

Разве не говорят, что мягкие слова побеждают жесткие сердца? Даже единственный и неповторимый Му Санг был вынужден поднять руки в знак поражения от принуждения груди

Эдель.

Ба-дамп, ба-дамп!

Его сердце, которое оставалось непоколебимым даже после взрыва сотен ракет класса "земля-воздух", стало биться почти неуправляемо.

Ее слегка приоткрытые бледно-розовые губы, белые зубы, едва видные сквозь щель приоткрытых губ, слабо подрагивающие ресницы, вздымающаяся грудь, щекочущий нос аромат арабского жасмина... Все эти запахи вместе взятые сводили его с ума.

Если описывать ее в стиле Уксия, она была бы похожа на одинокий цветок груши, промокший под ливнем.

Его самообладание, натренированное Техникой Центрирования Разума, чтобы оставаться непоколебимым, быстро рухнуло. Женщины должны были возбуждаться от своих фантазий, а мужчины - от того, что они видят. Не успел он это осознать, как Му Санг прижался губами к ее коже.

Что-то мягкое, как сахарная вата, нежно провело по волосам на затылке и мочке уха. Эдель продолжала дрожать от этого электризующего ощущения. Каждый волосок на мочке уха зазвенел на разных частотах. Волнующее ощущение, которого она никогда не испытывала, бушевало в ее нервах.

Эдель не оставалось ничего другого, как признать, что в данный момент она совершенно ошибалась относительно мужской анатомии. Не может быть, чтобы губы и язык мужчины были такими мягкими и податливыми.

Она безумно прижалась к нему. Ее легкие горели, как засохшие от долгой засухи листья пальмы. Вода...!

Она отчаянно нуждалась в воде, чтобы намочить тело и охладить его.

Он мягко спросил. "Тебе хорошо?"

"Да. Так хорошо, что я могу умереть. Ты действительно дьявол".

"Ты хочешь, чтобы это длилось вечно, не так ли?"

"Как ты догадалась?"

"Моя интуиция!"

Его обжигающий язык проник в нее. Вода! Оазис посреди пустыни!

"Фуу-вууп!"

В этот момент дыхание Эдель остановилось.

Она думала, что поцелуи в губы, похожие на то, как птицы чистят клювы друг о друга, - единственный вид поцелуев в этом мире. Но что это было? Что за инородная субстанция заполнила ее рот и свободно разгуливала во всех направлениях? Этот французский поцелуй с его языком, глубоко проникающим в ее рот, доводил ее до потери сознания.

Эдель никогда раньше не испытывала французского поцелуя. На самом деле, Му Санг был ее первым "маленьким чмоком", о котором она упоминала ранее. Она продолжала безумно прижиматься к нему, потому что боялась, что ее тело рухнет на пол, если она отпустит его. Ее неуклюжий поцелуй привел к тому, что ее зубы громко лязгнули о его зубы.

Му Санг поспешно разорвал поцелуй. Твердости зубов эпидиума было более чем достаточно, чтобы пробить стальную пластину. Если бы хрупкие зубы человека столкнулись с чем-то настолько твердым, это было бы сродни удару керамической тарелки о чугунный котел и расколу на куски. Другими словами, трагедия конца света, когда возбужденному Эделю понадобится вставная челюсть, может стать реальностью при таких темпах.

Эдель тяжело дышала, как будто со всей силы пробежала 100 метров. Всего один французский поцелуй, и ранее невинная уважаемая дочь аристократической семьи была совершенно ошеломлена и обезумела.

"Как я была?"

Даже посреди всего этого Эдель все еще беспокоилась о своем неуклюжем умении целоваться. Она была настолько чиста и невинна, что не понимала, что такое скромность.

"Это была самая восхитительная вещь в целом мире. Эта чудесная свежесть, которая в то же время настолько зрелая, что вызывает невероятное привыкание".

Где ты спрятала в своем нежном теле этот сильный жар, достаточно горячий, чтобы сжечь душу мужчины?"

Его осторожная рука начала спускаться по ее позвоночнику и поглаживать тазобедренную кость. Затем его шаловливая рука начала копать в холмике между ее ягодицами, заставляя ее тело дрожать.

"Ах, аaaa! Ты плейбой!"

Эдель вскочила и обхватила Му Ссанга ногами за талию, крепко прижавшись к нему. Так коварное женское сердце выражало желание почувствовать больше рук своего мужчины.

Его руки, более крепкие, чем кованая сталь, обхватили и поддержали ее бедра. Его теплое дыхание пронеслось по ее горлу и достигло ключиц. Позвоночник Эдель выгнулся дугой, как лук. Затем его горячие губы прижались к венчику ее покачивающейся груди через ткань.

"Ах!"

вскрикнула она. Этот жар, несравнимо более сильный, чем просто поцелуй, обжег все ее тело. Жар, словно водопад, хлынул по позвоночнику, пронесся по животу и проник в ложбинку между бедер. Она непроизвольно сжала ноги так крепко, как только могла. Желание обладать этим мужчиной теперь испепеляло ее тело.

"Дубай, мне кажется, что внутри меня кипит лава".

"Любовь - это лава, в конце концов. Она может расплавить все, что угодно, когда горит, но после остывания она превратится в бесполезную кучу пепла".

"Ты такой поэтичный. Если бы любовь была действительно вечной, не было бы столько замков, украшающих мост Сольферино, понимаешь? Однако есть и вечные любви. Я хочу, чтобы ты

была моей. Это не просто похоть женщины, которая хочет твоего семени, понимаешь?".

Эдель каким-то образом удалось сказать то, что у нее на уме, несмотря на тяжелое дыхание. Ее состояние не могло быть нормальным, поскольку она сочла его реалистичное описание лавы поэтическим. По словам Шекспира, пылко влюбленная женщина начинает думать, что даже зевек ее возлюбленного - это поэзия.

Глаза Му Ссанга наполнились обжигающим жаром. Ночное зрение эпидиума было лучше, чем у совы. Лунный свет, льющийся через окна террасы, был таким же ярким, как в середине дня.

Ее лицо красное, как яблоко поздней осени, тяжелое и прерывистое дыхание, а глаза горят багровым цветом...

Не обнять такую женщину - значит заслужить тысячу смертей. Нет, если ты не обнимешь ее, то лишишься права называться горячо любимым мужчиной.

Его большие, теплые руки нежно накрыли ее маленькое лицо. С искусным мастерством он начал глубоко всасывать ее язык.

Эдель сильно вздрогнула от ощущения того, что все ее существо всасывается внутрь. Она сопротивлялась, используя свое умение, которое стало заметно лучше, чем раньше.

Поцелуй, сладкий, как сахарная вата, горячий, как ад, и долгий, как вечность, продолжался. Ее мозг, испытывающий недостаток кислорода, начал умолять ее.

"Поторопитесь, пожалуйста, настройте меня!"

Она начала всхлипывать. Ее одышка стала невыносимой, а вся влага в ее теле, казалось, сосредоточилась в нижней части туловища. Если они будут медлить и дальше, она боялась, что вся влага в ее теле полностью иссякнет.

Му Санг слегка покрутил ее бедра в своих руках, чтобы заключить ее в крепкие объятия. Такое часто можно было увидеть в голливудских романтических фильмах - так называемый "перенос принцессы". В таких фильмах главный герой подхватывал женщину на обе руки и переносил ее на кровать, когда настроение становилось подходящим.

'Этого должно быть более чем достаточно, чтобы улучшить настроение янки, я прав!'

Му Санг уложил Эдель на кровать, а затем успокоил дыхание. Хэ Ён всегда с трудом справлялась с ним. Поэтому в его голове укоренилось понятие "не спешить". С другой стороны, ни одна человеческая женщина не смогла бы справиться с телосложением Эпидиума.

В окно он увидел, как под лунным светом блестит поверхность озера Йоа. Тысячи звездных лучей падали на озеро. Действительно, нынешнее настроение ничем не отличалось от сцены из романтического фильма.

Учитель говорил Му Ссангу это всякий раз, когда ему приходилось уезжать в "командировку".

[Слушай, дурак.

Будь то черная лошадь или белая, вы должны ездить на них так, словно прикасаетесь к стеклянной пластине или хрупкому лепестку цветка, понятно? Одна твоя оплошность, и тогда не важно, что ты на них сел, вместо этого твоя дама будет прикончена".]

Вспомнив это, Му Санг невольно усмехнулся. Этот мужчина никогда раньше не обнимал женщину, но знал так много обо всем.

Его идеально сбалансированное и пропорциональное обнаженное тело... Как капли водопада, лунный свет, падающий на его гладкую кожу, казалось, рассеивался вдаль. Как может мужское тело быть таким красивым?! Глаза Эделя стали мечтательными.

Ни одному из великих скульпторов эпохи Возрождения не удалось оставить после себя произведения искусства, которые соперничали бы с ее Дубайбурупой.

Ба-дамп, ба-дамп, ба-дамп...!

Она испугалась, что громкий стук ее сердца может обрушить весь дом. И тут живая скульптура обернулась.

"...Нур!"

Эдель глубоко вдохнула. Будучи сама врачом, она, очевидно, хорошо разбиралась в анатомии человека. Однако, это... Не может быть человеческой мужской особью. На самом деле, слово "Equus" начало бешено кружиться в ее голове.

'Это... Огромное существо будет во мне? Даже если я никогда не делала этого раньше?!

Она начала дрожать как лист. Ее прежняя однотонная уверенность уже улетела далеко-далеко, возможно, за пределы самого озера.

"...Несмотря на это, я все еще люблю тебя!"

В тот момент, когда она зажмурила глаза, сверху на нее надвинулась увесистая фигура. Однако она почему-то не казалась такой уж тяжелой. Ей стало немного страшно, хотя чувство глубокого удовлетворения охватило ее.

Образ того младшего "Эквуса" все еще задерживался в ее мозгу. И разум, и тело были готовы, но она ничего не могла поделать с чувством страха.

Молния ее горячих брюк опустилась. Обтягивающие брюки зацепились за бедра, и Эдель, несмотря на внутреннее смятение, слегка приподняла нижнюю часть туловища.

Она не любила свою мать, но даже несмотря на это, она все равно принимала близко к сердцу наставления этой женщины - если она видела, что кто-то занимается тяжелым трудом, она должна была стараться помочь и вообще быть более полезной.

"Ты больше, чем я думала!"

"Что? Ты имеешь в виду мои бедра?"

"Нет, твоя грудь!"

Большая рука забралась под ее футболку. Ее теплый бугор, упругий, как теннисный мячик, заполнил его руку, часть плоти даже успела выплеснуться наружу.

Как подумал Му Санг, это "качество" намного превосходило "товары" корейского производства. Он закрыл глаза и наслаждался мягкой податливостью и теплом ее плоти. Слабые, далекие

воспоминания о прикосновении к груди матери в детстве начали возвращаться к нему.

"Мне, мне уже все равно!"

Эдель прижалась к нему, зарывшись лицом в его грудь. Его руки шарили по ее упругим ягодицам, пытаясь снять с нее нижнее белье, а затем нащупали щетинистые волосы.

Руки Му Ссанга дрожали, как у человека, страдающего тремором. Он был похож на буддийского монаха, который знал о деликатесе мяса, но не мог насладиться им последние семь лет, так как же он мог сопротивляться дальше? Не успел он это осознать, как его руки стали грубее.

"Ну, в любом случае, больше не стоит беспокоиться!"

Ее тонкая футболка была легко сорвана. С исчезновением помех, ее подавленная грудь вырвалась на свободу.

"Ой!"

Жестко торчащий венец одного из ее бугров-близнецов мгновенно исчез в его губах. От шокирующего воздействия его прикосновения у нее закружилась голова. Она хотела быть поглощенной им. Она хотела, чтобы ее возлюбленный полностью, без остатка, поглотил все ее существо.

Эдель хотела погрузиться под воду, как трясина засасывает ее.

"Я люблю тебя!"

Влюбленный человек даже душу готов бросить своей любви. Таким образом, Эдель превратилась в кого-то более практичного. На самом деле, это было больше похоже на то, что ее рассудок был выброшен в окно, ее действия теперь диктовались ее инстинктами. Она ласкала и облизывала каждую часть его тела.

Словно пытаясь проверить каждую прядь волос на коже друг друга, они отчаянно исследовали тела друг друга. Его руки, ласкавшие привлекательные бутоны холмов-близнецов, направились на юг, чтобы исследовать глубокую долину. Там их ждал образный потоп. Она была неописуемо шелковисто-гладкой и теплой.

Его юниор так сильно дрожал, желая войти в ее дом.

"Ммф!"

Когда его рука проникла в ее нижнюю часть, Эдель громко застонала, крепко сжав бедра. И тут ее дыхание на мгновение остановилось, когда его массивный член коснулся ее гладкой нижней части живота.

Горячий предмет толкнулся внутрь. Это был его аватар. Наконец-то они стали одним целым. Предвкушение и страх охватили ее, мышцы вышли из-под контроля.

"Аааа!"

Фигура Эдель подпрыгнула.

ТУД-!

Кровать громко скрипнула под страстными телами.

*

"Дино, прогони всех!"

Дино видел приятный сон, когда грубый пинок под зад разбудил его. Существо молча устало на Самди, его глаза быстро наполнялись недовольством.

Во сне Дино использовал свои навыки, улучшенные хозяином, чтобы наконец-то победить птицу ужаса. Но прежде чем он успел вырвать горло врага, из ниоткуда появился носорог и ударил Дино в задницу. И этим носорогом оказался этот отвратительный человек.

"Эй, ты, сопляк. Ты что, не слышишь? Наш хозяин готовится делать детей!"

Самди хотел наказать этого маленького котенка за его мятежный взгляд, но он уже не мог бить его так, как раньше. В последнее время этот чертов котенок стал очень сильным. Кроме того, он был божеством-хранителем расы пигмеев, поэтому он не хотел устраивать унижительную сцену драки с проклятым котенком, если это было возможно.

Поэтому вместо того, чтобы ударить его, Самди начал объяснять в спокойной манере.

Дино мгновенно понял смысл слов Самди. В конце концов, нет ничего важнее, чем делать детей. И каждое живое существо во время этого процесса находилось в самом незащищенном состоянии.

Если хозяин производил потомство, то, очевидно, Дино должен был очистить окрестности.

Гррр-

Дино вскочил на ноги и начал изгонять всех обитателей дома Йоа. Первой его целью стала взрослая самка, притворявшаяся спящей.

Передняя конечность Дино, крепкая, как стальная балка, постучала по "спящей" Бассел. Она в это время подслушивала с открытыми ушами. Ее стащили с кровати, а затем без всякой жалости вышвырнули за пределы здания.

Акра, дремавшая за запертой дверью, тоже была выдворена. Достаточно было одного удара передней лапой Дино, чтобы сломать дверной замок как пушинку.

Дино завернул глубоко спящую Тигру, дочь Йиджиханы, в одеяло, прежде чем оставить ее за дверью. Как выяснилось, Дино не был бескультурным зверем, который обижал детей.

Иджихана проснулся от своего глубокого сна и испугался. Даже если Дино вел себя по-джентльменски, он все равно был царем зверей. Для Му Ссанга он мог быть домашним животным, но для других Дино был олицетворением ужаса. Если вы не испугались, когда лапа размером с металлический поднос внезапно разбудила вас посреди ночи, значит, вы не человек.

Иджихана тоже была беспомощно вытолкнута за дверь довольно вежливой передней лапой Дино. Рядом с ним садовник, помощник повара и даже горничные были разбужены, прежде чем их выгнали на улицу.

Дино был полностью предан выполнению своей роли. Настолько, что даже прогнал собаку и кошку, которых воспитывала Эдель. Он даже вычистил всех ящериц, грызунов, пауков и других насекомых, прятавшихся в доме.

С точки зрения Дино, люди и животные были одинаковы.

<http://tl.rulate.ru/book/75373/2165986>